

Уходят люди... Их не вернуть.

Их тайные миры не возродить.

И каждый раз мне хочется опять

От этой невозвратности кричать.

Евгений Евтушенко

Я выросла в классической советской семье. Мои родители познакомились в сельскохозяйственном институте и вскоре решили расписаться.

Молодость, счастье, любовь – все это прекрасно украшало скромный быт молодых студентов. Прошло совсем немного времени, когда двое влюбленных узнали, что скоро их станет трое. Так получилось, что мой старший брат (Костя) родился в день Великой Победы – 9 мая. Его первый вдох произошел в день, когда все улицы были наполнены ароматом сирени и общей народной радостью. Вскоре после выписки из роддома молодые родители приняли решение уехать на родину мамы – на Камчатку. Мой второй брат (Вова) родился уже здесь. Роды прошли очень тяжело, но мама решительно была настроена на рождение дочери – меня. Прошло еще семь лет, прежде чем это желание воплотилось в жизнь. Времена были трудные, постоянно не хватало денег, зато в достатке были сложности, с которыми встречается каждая многодетная семья.

Наш мир делился на взрослых, которые всегда боялись за наше здоровье и жизнь, и нашу «банду» – двое крепких мальчишек и я, маленькая девочка, которую им приходилось таскать везде с собой и подкупать мороженым или другими сладостями, чтобы я не «сдавала» родителям их секреты. Я люблю вспоминать это время. Тогда все было понятно. Зло – черное, добро – белое. Плохое случается только с плохими людьми, беда никогда не приходит в дом, где есть тепло и счастье. Мне казалось, так будет

всегда. Однако, когда мне исполнилось 17 лет, я узнала, что все это не так, и миру радужных иллюзий было суждено навсегда исчезнуть из моей жизни.

Первый знак

О том, что у Вовы были проблемы с позвоночником, знали мы все. В 14 лет ему поставили диагноз – сколиоз (в переводе с греческого «кривой позвоночник»). По мнению врачей, это были последствия тяжелых родов. В те времена существовало всего несколько случаев, при которых женщине делали кесарево сечение. Поскольку таких симптомов у мамы не обнаружили, ее пустили в роды. После трех суток маминых мучений доктор принял решение выдавить ребенка вручную. Вовочка родился, но задышал не сразу, вследствие чего братик заболел астмой. А только потом появился этот самый сколиоз. Чтобы сохранить свое здоровье, мой брат стал заниматься спортом. Мышечный каркас крепко держал его «кривой» позвоночник. А регулярные занятия спортом помогли избавиться от астмы. Вова вырос высоким, симпатичным, веселым, дружелюбным и открытым юношей. Его любили девчонки, уважали друзья. Когда ему исполнилось 23 года, боли в спине вернулись, но, как истинный мужчина, он не привык жаловаться, тихо и мужественно их переносил. Однажды Вова стоял около шкафа, а я не заметила его ногу и резко открыла дверь. Угол двери раскроил ему верхнюю часть стопы. Кровь хлынула по ноге, я перепугалась, кинулась перевязывать, плакала, извинялась. А он так тихо сказал: «Не переживай сестра, я ничего не почувствовал». Тогда я решила: какой же мой братик сильный и милосердный человек, вместо обвинений он даже успокаивал меня и жалел. Я тогда и представить не могла, что это был плохой знак. Измученный нескончаемой болью в спине, Вова наконец-то решился пойти в нашу поликлинику. Ему вновь сделали рентген спины – снова сколиоз – и направили к массажисту. После второго сеанса Вова стало значительно хуже, ноги стали неметь и отказывать, но массажистка была неудержима. Ее не смутили жалобы молодого пациента. Она заявила, смеясь: «Ты ж еще молодой, чтобы жаловаться», полагая, наверное, что это выглядело кокетливо. 18 сентября 1999 года Володя не смог подняться с постели.

Когда врачи не могут поставить диагноз – время будто останавливается.

Сначала у Володи онемели ноги, затем случился паралич всей нижней части тела. Руки и разум остались целы, но ниже пояса свое тело Вова уже не чувствовал. Приехавшая

скорая увезла моего брата в Елизовскую районную больницу. Там просто поставили катетер, трубка которого заканчивалась в трехлитровой банке. Так без малейшего обследования он и пролежал целую неделю. Панцирная сетка, шерстяное одеяло, окрашенные в жуткий цвет стены, кривая табуретка – эта был интерьер больничной палаты, где находился молодой парализованный парень. Никто ничего не говорил и не задавался поисками причин последствий массажа. И только когда мы замучили медицинский персонал своими вопросами и страхами, через 7 длинных дней Володю перевели в областное неврологическое отделение. Две недели он пролежал там. Посещение было строго по времени. Нам нужно было успеть покормить, вымыть и сделать все необходимое, чтобы братик чувствовал себя комфортно. В отделении нас сразу предупредили, что ухаживать за ним кроме нас будет некому. Так мы и делили свое время: мама была днем, я – вечером. Папа был в частых командировках, нужно было зарабатывать деньги. У старшего брата Кости тоже было много работы. К тому времени родители снимали мне жилье в городе, мама моталась в больницу каждый день на автобусах. Мобильных телефонов тогда еще не было, но мы с мамой интуитивно чувствовали, когда нужно заменить друг друга, знали, когда мы особенно нужны были Вовочке. Случалось, что никто из медицинского персонала не подходил к нему по несколько часов для элементарного осмотра. Он мужественно ждал наших приходов и невероятно смущался того, что я – молодая девушка – вынуждена быть сиделкой. Нас спасало чувство юмора. Что же касается медицинского персонала, то вначале я думала, что эпицентр равнодушия всего мира находится именно там. Но это был только первый этап погружения в мир жестокости и безразличия людей, давших клятву Гиппократа.

Смерть всегда рядом

Прошло три недели этой сумасшедшей больничной гонки, а мы все еще находились в неведении относительно диагноза Вовиной болезни. Сейчас я и не вспомню, почему сразу не сделали экстренное обследование спинного мозга, то ли контраста (препарата для подробного обследования спинного мозга) не было, то ли долго решали: делать его или нет. В общем, по окончании трех недель было принято два решения: сделать комплексное обследование и убрать катетер. Вместо него в нижней части живота был сделан разрез, и в мочевой пузырь была поставлена трубка (цистостома), выводящая жидкость наружу. После контрастного обследования Володю в срочном порядке перевезли в хирургическое отделение. Войдя туда в первый раз, я была ошарашена: меня встретили пьяные медсестры и орущие больные, привязанные к кроватям, расположенным в коридорах. Полы были залиты мочой невменяемых пациентов, в нос била резкая вонь испорченных продуктов. Но нужно было собраться и идти искать палату, куда неожиданно, без предупреждения, утром перевезли брата. В его палате

находились 9 мужчин (хотя палата была рассчитана на 6 человек). Один уже сидел напротив моего брата и бросал в него куски хлеба, зная, что тот точно не встанет и не ударит. Сказать, что я была возмущена, значит, ничего не сказать. Я налетела на этого придурка, который был, кстати, с забинтованной головой, начала кричать. От нахлынувшей волны гнева я даже голос свой не узнала. На шум сбежались все. Но конфликт оказался скучным для медицинских сестричек, и они поспешили удалиться, чтобы осушить уже налитые рюмки. В палате воцарилась тишина, я поцеловала брата и побежала за его вещами в соседнее отделение (их там просто бросили без присмотра). Вечером выяснилось, что у Вовы поднялась температура. На мои просьбы помочь, те же сестрички сказали, что распоряжение по лекарствам не получали: «Если надо, идите в аптеку, купите аспирин или еще что-нибудь». Я сбегала, купила парацетамол, чтобы в больнице (!) помочь брату пережить ночь. Через пару дней Вове сделали операцию. Вместо трех часов операция длилась восемь. Хирург долго что-то пытался объяснить. Главное, что мы поняли – в спинном мозге появилась опухоль длиной в 30 см, которая и зажала нервные окончания. Оказывается, массажи были противопоказаны, они спровоцировали дальнейшее развитие болезни. Доктор утверждал, что он сделал все, что мог. Таким образом, вдоль позвоночника появился шрам длиной 30 см. Гистология (анализы на рак) пришла лишь через 20 дней. Слава богу, рак не обнаружили. Природа возникновения опухоли не ясна. Доктор вызвал маму и сказал: «От таких заболеваний не умирают, умирают от последствий». Так просто и обыденно: «Готовьтесь: от того, как будете ухаживать, будет зависеть, сколько он проживет». И ВСЁ.

После операции Володю перевели в пятиместную палату, где лежали 7 человек, двое из которых умерли на следующий день. Это странное чувство, когда ты говоришь с людьми, желаешь им здоровья, а утром видишь на их месте свернутый матрац. Тогда я в первый раз почувствовала присутствие смерти. Несмотря на то, что палата была послеоперационная, надлежащего ухода за больными там тоже не было. Поэтому режим уборки и остальной заботы мы с мамой не отменили. Приходилось присматривать еще и за другими мужчинами. Где-то помыть, где-то помочь, покормить. Главное, медработники всегда любезно нам с мамой предлагали тряпки и ведро для уборки. Кого-то рвало после препаратов, кому-то просто было плохо. Но мы с мамой всегда были рядом, за что больные и прозвали нас «наши Солнышки». После очередных трех недель нашего бесконечного труда и борьбы Володю снова перевели в неврологическое отделение.

Перспективы на выздоровление никто не давал, интерес к нам совсем был потерян, каждый день ставились какие-то капельницы, банки, которые мы должны были приносить почти ежедневно, и советы: «Вы должны делать массажи на ноги, чтобы застоя не было». Что мы и делали. Потом снова советы: «Нужна опора, чтобы пациент мог сам на своих руках подтянуться». Друзья сварили дугу – нечто вроде перекладины – и прикрепили над кроватью. Лекарств никогда не было – мы их покупали, а остальное – по старой схеме: мыли, утирали, целовали измученное болезнью Вовино лицо. Вовочка

нам тоже очень помогал, он не впадал в уныние, всегда был в настроении, радовался каждой встрече. Вечерами мы читали книги. Из-за того, что мы с мамой ухаживали за всеми больными в палате, медперсонал перестал нас беспокоить своими придирками, и нам разрешили уходить из палаты позже на один час. Главное условие: чтобы все делали сами. Чем мы и занимались.

Шли дни, ничего не менялось, Вова так и не сидел, чувствительность не восстанавливалась. Мы снова забили тревогу, просили, умоляли: может, надо договориться с коллегами из другого города, показать анализы, провести еще обследование. В ответ нам предложили носить на руках Вову в какую-то барокамеру для восстановления нейронов, но только самим, «поскольку санитаров нет». Так и сделали. Папа и Костя на своих руках носили Вову на эту процедуру, от которой Вове лучше не становилось. На вопрос, почему температура каждый вечер поднимается до 37,5 градусов, следовала бесконечная брань, типа: «Уйдите на... (следовало нецензурное выражение), не лезьте, куда не просят, врачи сами все знают». Вопрос о переезде в другой город был закрыт словами лечащего врача: «Он не доедет, в дороге умрет, я не собираюсь брать на себя такую ответственность». Нужно было что-то делать. И на наше счастье, этим необычным случаем заинтересовалась другой врач-невропатолог, которая нас и забрала к себе в отделение, предоставив маме с Вовой отдельную палату (!). Мы подумали, что это сон. Тепло, уютно, все улыбаются. Не надо рыдать и умолять сделать какую-то малость. На любую просьбу медперсонал отделения откликался, оказывая помощь и заботу. Измученные, но счастливые, мы разместились в нашем «новом» доме, в котором предстояло пробыть 7 месяцев.

Первый день полного обследования закончился тем, что у Вовы обнаружили глубокие пролежни, которые появились от того, что его нужно было с первого дня после паралича переворачивать каждые 1,5-2 часа. Кровообращение было нарушено, и то, что он отлеживал части тела, он, естественно не чувствовал, а никто из врачей ничего не подсказал.

Ткани вырезали на копчике до кости. Диаметр раны составил около 11 см. Также пришлось срезать ткани на пятках и тоже до кости. Кровообращение так и не наладилось, поэтому процесс заживления проходил крайне долго и тяжело. Но мы были вместе. Когда я приходила в отделение, свет из нашей палаты с прозрачной дверью было видно от входной двери. У нас было тепло, и всегда звучал смех. Вова снова стал писать стихи, и все, кто работал в отделении, тянулись к нам. Вечерами мы рассказывали всем наши истории, про то, как жили, как Вова поехал в Польшу искать работу, когда ему было всего 20 лет. В мае мы отпраздновали в больнице день рождения Кости, нашего старшего брата. Именинник пришел одетым по форме. Правда, папа был в командировке. Мы посидели, пообедали, и нам казалось, что все позади, мы

вернемся туда, откуда начали, и дальше все будет хорошо.

Через какое-то время Володю выписали домой, но дома ему стало хуже. Температура у него уже не снижалась ниже 38 градусов, раны мокли и не заживали. Трубка для выведения мочи перестала ее пропускать. Оказалась, она забилась солями. Патронажный врач превратила свои визиты в пустую формальность. Приходя к нам домой, она даже не разувалась. Врач осматривала пациента из коридора. С порога предлагала выпить что-нибудь жаропонижающее и стремительно удалялась до следующей недели. Мы снова вернулись в наш больничный «дом». Надежду никто не терял, сны постоянно говорили о том, что не сегодня-завтра Вове станет лучше. Шли дни, наступило лето. Срок пребывания в неврологическом отделении истек, но наш доктор нас не бросила. Она договорилась с терапевтическим отделением, и Володю с мамой на некоторое время перевели туда. После обследования выяснилось, что у Вовы в легких скопилась вода, а УЗИ внутренних органов показало, что органы брюшной полости усохли на треть. Единственный орган, который был не тронут болезнью – это Вовино большое, сильное, доброе сердце. К концу августа все устали. К разбитому состоянию и постоянному ощущению тревоги и страха добавилась трагедия с подводной лодкой «Курск». Каждый день по телевизору говорили о неудаче в проведении спасательной операции. Было ощущение, что мы потеряли своих близких, родных нам подводников.

Вова таял на глазах и просил не делать никаких процедур. От выкачивания воды из легких пришлось отказаться. Я отпросилась у мамы на три дня уехать передохнуть, так как находилась на грани нервного срыва. Мама меня отпустила.

24 августа 2000 года, в последний день моего короткого отдыха Вовы не стало....

Он ушел тихо на руках у мамы. Точно так же, как и пришел в этот мир. Однажды я слышала такую фразу: «Неудача всегда кружится где-то рядом, она должна на кого-то упасть». В то время она упала на нас.

Что это: череда обстоятельств или наша невнимательность к мелочам? Нужно было давно забить тревогу. Требовать переезда в другой регион. Может быть, отсутствие настойчивости и стало причиной трагической развязки?

Все эти мысли пришли позже. Но у истории нет сослагательного наклонения. И нам придется жить с этим до конца наших дней. Самым страшным в осознании произошедшего является тот факт, что, если ты попал в беду, то надеяться надо только на себя и своих близких. Больные остаются наедине со своей болезнью, а родственники со своим бессилием.

Патологоанатомы сказали, что причиной смерти моего брата стал обширный сепсис. В больничной выписке в этом разделе стоял прочерк.

Даже патологоанатомы умудрились унижить нас своей ложью.

Из двух с половиной десятков врачей с медсестрами, с которыми нам тогда пришлось иметь дело, лишь пятеро проявили сострадание к нашему горю и честно старались исполнить свой долг. Полагаю, что наша медицина до сих пор больна. И дело даже не в том, что медицинские работники имеют низкий профессиональный уровень. Они к своим пациентам относятся как к биоматериалу, мешающему им жить. Поэтому меня не удивляют истории о проявлениях врачебной халатности, равнодушия и непрофессионализма. Клятва Гипократа для них в большинстве случаев – пустой звук. Бог не живет в сердцах большинства этих людей. К сожалению, быстро исправить такое положение вещей не получится. Но если об этом молчать, недуг станет хроническим.

Вместо послесловия

Спустя много лет мне довелось зайти в нейрохирургическое отделение краевой больницы. Мое сердце сжалось от боли и воспоминаний. В палатах был сделан хороший капитальный ремонт. Все остальное осталось прежним.

Ариша ЗИМА